

Самая существенная разница – это среднее количество земли, которое выросло с 6,5 до 8 дес. Однако стоит заметить, что и количество дворов и населения также значительно выросло. Вместе с тем с приходом советской власти была ликвидирована сильная социально-экономическая дифференциация, которая существовала до революции.

УДК 94(47).063

DOI: 10.18287/978-5-6052980-3-8-2024-20

*Кривова Д.А.*¹

**ПОЛИТИКА КАБИНЕТА МИНИСТРОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1737-1739 ГГ.
(г. Самара)**

В статье рассмотрено взаимодействие Кабинета министров и местных властных структур на юго-восточном направлении Европейской России в 1737-1739 гг. – с руководителями Оренбургской экспедиции (комиссии) И.К. Кириловым, В.Н. Татищевым, начальником Башкирской комиссии Л.Я. Соймоновым. Исследуются последствия башкирского восстания 1735-1736 гг. на политику центральных и местных властей в юго-восточном регионе.

Ключевые слова: Анна Иоанновна; Кабинет министров; Правительствующий Сенат; башкирские восстания; Оренбургская экспедиция; В.Н. Татищев.

*Krivova D.A.*²

**THE POLICY OF THE CABINET OF MINISTERS
IN THE SOUTHEAST OF EUROPEAN RUSSIA IN 1737-1739
(Samara)**

¹ Кривова Дарья Анатольевна, г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, аспирант, исторический факультет, кафедра российской истории (науч. рук. Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор), dariya4191@mail.ru

² Krivova Darya Anatolievna, Samara National Research University, postgraduate student, Faculty of History, Department of Russian History (scientific supervisor E.L. Durban, Doctor of Historical Sciences, professor), dariya4191@mail.ru

The article considers the interaction of the Cabinet of Ministers and local authorities in the southeastern direction of European Russia in 1737-1739 – with the heads of the Orenburg expedition (commission) I.K. Kirilov, V.N. Tatishchev, the head of the Bashkir commission L.Y. Soimonov. The consequences of the Bashkir uprising of 1735-1736 on the policy of the central and local authorities in the southeastern region are studied.

Keywords: Anna Ioannovna; Cabinet of Ministers; Governing Senate; Bashkir uprisings; Orenburg expedition; V.N. Tatishchev.

В период 1730-х гг. важнейшая роль в управлении государством принадлежала Кабинету министров. Именно в это время в 1734 г. была основана Оренбургская экспедиция – учреждение, направленное на активизацию политики на юго-восточной окраине Европейской России. В ее цели входило строительство Оренбурга как опорного пункта по сдерживанию набегов кочевников, установление экономических отношений со Средней Азией.

Башкирское восстание 1735-1736 гг. стало ключевым эпизодом в деятельности Оренбургской экспедиции. Его последствия были настолько велики, что внесли перемены не только в работу самой экспедиции, но и привели к изменению политики Кабинета на юго-восточном направлении в целом. Правительству пришлось временно отказаться от некоторых чрезвычайно амбициозных задач, поставленных еще в проекте И.К. Кирилова (инициатора создания экспедиции), например, налаживании торгового пути в Индию, и в первую очередь сосредоточиться на поддержании стабильности в регионе – административных и военных мерах по подавлению башкирских восстаний, упорядочению экономической ситуации, строительству крепостей.

Дореволюционные исследователи редко обращались к истории и работе Кабинета министров. Еще менее исследована его деятельность на юго-восточном направлении Европейской России. Чаще всего историки, такие как С.М. Соловьев¹, В.О. Ключевский², касались эпохи правления Анны Иоанновны в общем.

Советская историография царствования Анны Иоанновны в целом придерживалась точки зрения о «немецком засилье» при императрице. Например, М.И. Семин прямо заявлял, что Анна

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 29 т. Санкт-Петербург, 1851-1879. Т. 19-21.

² Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Москва, 1989. Т. 4.

Иоанновна, питавшая «злобу и ненависть ко всему русскому», отдала власть «шайке немецких проходимцев»¹.

Следует упомянуть, что вопрос управления Кабинетом территорий на юго-востоке частично рассмотрен в монографии историка А.В. Демкина². Исследователь пришел к выводу, что данный регион обладал своей спецификой. По его мнению, так называемая территория «Азиатской России» была еще слабо освоена: отделенная от центра большими расстояниями, она находилась почти под полным контролем местных властей.

Деятельность Татищева в период его нахождения в Самаре проанализирована в работе Ю.Н. Смирнова³. Автор доказал, что Татищев несколько отодвигал в сторону первоначальные стратегические замыслы Кирилова и все свои действия направлял на то, чтобы обосноваться и закрепиться в Самарском Заволжье.

Тем не менее проблема взаимоотношений между центральными и местными властями в 1730-х гг. по-прежнему нуждается в изучении, поскольку полноценного исследования по взаимодействию Кабинета министров и местных структур так и не написано.

В связи с этим цель данной статьи – стратегия Кабинета министров на юго-восточном направлении в период руководства Оренбургской экспедиции В.Н. Татищевым. Не следует забывать, что Правительствующий Сенат по-прежнему занимал весомое значение в системе государственных учреждений 1730-х гг., а потому интересно выявить и его роль в данном вопросе.

Источниковая база работы представлена архивными и опубликованными материалами. Нами были изучены документы Объединенного государственного архива Оренбургской области⁴ (далее – ОГАОО), а также Научного архива Уфимского научного центра РАН⁵. Благодаря материалам двух фондов ОГАОО была рассмот-

¹ Семин М.И. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 25-39.

² Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731-1740 гг. Москва; Санкт-Петербург, 2021.

³ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

⁴ Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 1-2.

⁵ Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 23.

рена панорама взаимоотношений между Кабинетом министров и руководящими лицами Оренбургской экспедиции (комиссии) – В.Н. Татищевым, Л.Я. Соймоновым. Что касается материалов Научного архива УФИЦ РАН, здесь нами был проанализирован фонд № 23 личного происхождения уфимского краведа Д.С. Волкова по истории башкирских восстаний 1730-х гг. К сожалению, нужные документы оказались малочисленны.

Опубликованные материалы включают в себя внутренние документы Кабинета министров¹, вышедшие в сборниках Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО) под редакцией А.Н. Филиппова, а также шестой том «Материалов по истории Башкортостана»², в котором содержится ценная информация по действиям центральных и местных властей, направленных на прекращение башкирских восстаний.

Таким образом, изучение вышеизложенных источников позволяет нам выявить политику Кабинета министров на юго-востоке России в 1737-1739 гг.

Итак, в январе 1737 г. в башкирских делах в юго-восточном регионе наконец-то наступило некоторое затишье. Однако в Кабинет теперь поступили рапорты от генерала-майора князя Репнина и полковника Беклемишева о нападении казахов на русские поселения и калмыцкие улусы в близости от Царицына³. В такой ситуации, опасаясь усиления новых враждебных сил на юго-востоке, министры в феврале того же года предлагали Кирилову, что, если с казахами не получится договориться мирным путем, не лучше ли позволить башкирам на них напасть, которые, по словам Татищева, и без того собирались с ними воевать⁴.

¹ Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев, 1904; СИРИО. Т. 120. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг. Т. 7. (январь-июнь 1738 г.). Юрьев, 1905; СИРИО. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг. Т. 8. (июль-декабрь 1738 г.). Юрьев, 1906; СИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг. Т. 9. (январь-июнь 1739 г.). Юрьев, 1907.

² Материалы по истории Башкортостана / сост. Н.Ф. Демидова. Т. 6. Уфа, 2002.

³ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 18-20 об.

⁴ Там же. Л. 14-15.

В относительно мирной обстановке на юго-востоке перемены коснулись руководства Башкирской комиссией. По распоряжению Кабинета 25 января 1737 г. ее руководителю Ф.С. Хрущеву было приказано отправляться на Украину в связи с продолжающейся русско-турецкой войной, а вместо него поставить на пост начальника Башкирской комиссией астраханского вице-губернатора Л.Я. Соймонова¹.

Сам же Кирилов выступил против предложения Кабинета, основанного на мнении Татищева, заменить сбор штрафных лошадей с башкир на службу в Азовском походе против турок². Возможно, он опасался, что едва установившийся мир в юго-восточном регионе очень хрупок и недалек час, когда башкиры снова могут взбунтоваться.

Подозрения Кирилова подтвердились: уже в апреле 1737 г., получив сведения о новых выступлениях среди башкир, Кабинет рекомендовал Кирилову отложить отправление башкирского войска на службу³.

Ситуация на юго-восточном направлении вскоре осложнилась еще тем фактом, что Кирилов умер в Самаре – штабе экспедиции 14 апреля 1737 г. По указу от 7 мая того же года временное руководство Оренбургской экспедицией возлагалось на полковника Бахметьева⁴.

Однако затем именным указом императрицы от 10 мая 1737 г. дело Оренбургской экспедиции перешло к В.Н. Татищеву, одновременно пожалованному в тайные советники⁵. Исследователи неоднократно отмечали, что таким образом правительство Анны Иоанновны пыталось избавиться от неугодного чиновника, вызвавшего недовольство фаворита Э.И. Бирона⁶.

Бесспорно, Василий Никитич Татищев – историк, географ, экономист, инженер-артиллерист, являлся знаковой фигурой своего времени. За то короткое время, что Василию Никитичу довелось провести в роли начальника Оренбургской экспедиции, стратегия местного руководства на юго-восточном направлении изменилась, можно сказать, она стала более гибкой и осторожной. В этой связи

¹ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

² Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. С. 378-379.

³ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 63-64.

⁴ Там же. Л. 70.

⁵ СИРИО. Т. 117. С. 279.

⁶ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия)... С. 64.

интересны его взаимоотношения с Кабинетом – насколько министры готовы были предоставить ему свободу действий, оказывали достойную финансовую поддержку.

Любопытно подчеркнуть, что во второй половине 1730-х гг. роль Кабинета в государственных делах постепенно возрастает. Это не могло не сказаться и на его политике на юго-восточном направлении. Если ранее весомое значение в государственных вопросах явно принадлежало Сенату – от сенаторов исходили многие важные указы, руководители экспедиции часто отправляли свои рапорты именно в Сенат, то в 1737 г., а в особенно 1738 г., большинство донесений В.Н. Татищева, а также Ф.С. Хрущева и Л.Я. Соймонова шли напрямую в Кабинет.

По именному, данному из Кабинета указу императрицы от 9 июня 1737 г. Татищеву было поручено заняться окончательным подавлением башкирского бунта. Ради этого дела в Мензелинске нужно было организовать совещание, на котором требовалось присутствие наиболее влиятельных персон из местного руководства¹.

По прибытии 14 июля в Мензелинск Татищев, а также уфимский воевода Шемякин, генерал-майор Соймонов, полковники Тевкелев и Бардукевич провели генеральный консилиум. Его итоги выявлены в экстракте, переданном Кабинетом на усмотрение Сената от 13 августа 1737 г. В нем было объявлено, что для «определения башкир под разные суды» следовало отделить городок Осу, куда нужно отправить «надежного человека в воеводы», а также основать Красноуфимскую крепость и особую Исетскую провинцию. Предпринимались меры увеличения контроля и в военной сфере – в Уфу на всякий случай следовало отправить ландмилицкий драгунский полк².

Приехав в Самару по окончании Мензелинского консилиума, Татищев сразу обратил внимание на ошибки предшествующего управления. В своем письме И.А. Черкасскому Василий Никитич достаточно резко писал, что, приступив к делам, обнаружил, что Оренбургскую экспедицию, «как видно по обману Кирилова и Татищева, для чаемого великого прибытка начали»³. Татищев приходил к заключению, что новая волна башкирского восстания возник-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Изд-е 1. Санкт-Петербург, 1830. Т. 10. С. 169. № 7278.

² ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 16-16 об.

³ Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве. Санкт-Петербург, 1864. С. 37-38.

ла по причине недостаточного функционирования управленческого аппарата экспедиции¹. Он критиковал Кирилова в том, что нужного канцелярского порядка, основанного на уставе, не было установлено; протокол и журнал не велись как следует, списков служащих с их окладами не существовало².

Вследствие этой обнаруженной проблемы кабинет-министры от 25 сентября 1737 г. объявили о сборе «из всех мест ведомостей» о расходе на экспедицию денег, провианта и прочих припасов с сообщением о том Василию Никитичу³.

Финансовый вопрос Оренбургской экспедиции по-прежнему оставался одним из самых насущных. В этой связи следует упомянуть объявленное из Кабинета Сенату сообщение от 10 ноября 1737 г., где говорилось, что Татищев недавно получал 50 тысяч рублей, из которых было потрачено 35 тысяч. Остальные деньги должны были пойти на уплату за майскую треть жалованья и подряженный провиант – в итоге в ближайшем будущем на эти нужды платить было бы не из чего. Поэтому решено было выделить Василию Никитичу еще 50 тысяч рублей на потребности Оренбургской экспедиции⁴.

Наконец, Татищев нашел, что и место, выбранное Кириловым для строительства Оренбурга, было неудобным, поскольку ежегодно подвергалось затоплению, и потому его необходимо перенести⁵. Обратившись в Сенат, Василий Никитич сумел доказать целесообразность переноса крепости. В итоге новое место было определено возле урочища Красная Гора⁶. Сама экспедиция к тому времени переименовывается в комиссию⁷.

В целом при Татищеве также продолжалось активное строительство крепостей, начатое его предшественником Кириловым. По

¹ Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург, 2003. С. 53-54.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20. С. 1545.

³ СИРИО. Т. 117. С. 583.

⁴ Там же. С. 672.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20. С. 1545.

⁶ Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории... С. 55.

⁷ Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны... С. 194.

сведениям Р.Г. Букановой, при Василии Никитиче были заложены следующие крепости – Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская, Сорочинская – на реке Самаре; Татищева пристань, Чернореченская, Бердская, Губерлинская – на реке Яик; Ставрополь–на–Волге – для удержания калмыков за Волгой; достроены Челябинская и Иткульская крепость в Зауралье¹.

Тем временем башкирская проблема по-прежнему являлась весомым поводом для беспокойства. Судя по сообщению из Сената в Кабинет в августе 1737 г., взбунтовавшиеся башкиры в своих набегах действовали сообща с каракалпаками и казаками и собирались «идти до Казани»².

Татищев не мог оставить без внимания башкирский вопрос. Переговорив в начале января 1738 г. с башкирскими старшинами, Василий Никитич выработал ряд предложений по башкирской проблеме, которые изложил в своем донесении в Кабинет от 22 января 1738 г.³ Одним из ключевых его положений была идея о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников⁴. В отличие от своего предшественника Кирилова Татищев настаивал на необходимости более мягкого обращения с башкирами в целом. В своем письме от 9 января 1738 г. Остерману и Черкасскому Василий Никитич признался, что помиловал руководителей восстания – Кильмяка, Юсупа и Акая. Причины этого шага он объяснил тем, что приславшие их башкиры, увидев живыми своих предводителей, обнадежат и остальных в том, что прощение со стороны властей возможно⁵.

Предложения Татищева нашли одобрение у Кабинета министров. В данном случае интересно ознакомиться с резолюциями А.И. Остермана на экстракт, составленный в Кабинете из донесения Татищева. Андрей Иванович последовательно дает по каждому пункту сообщения свои комментарии. В частности, он соглашается с тезисом Татищева о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников, но заодно решает узнать мнение Сената по данному вопросу. Любопытно, что Остерман сомневался в правоте Татищева

¹ Буканова Р.Г. Города-крепости: История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 144.

² СИРИО. Т. 117. С. 519-520.

³ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. (1730-1740). Москва, 2014. С. 549.

⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. С. 531-535.

⁵ Там же. С. 530-531.

относительно прощения предводителей восстания. Но «хотя за их измену и великие проступления надлежало их жестокою смертию казнить», все же подтвердил его решение¹. Вполне возможно, что вице-канцлер просто не мог открыто выступить против помилования и поддержал Татищева вынужденно.

Итак, 17 марта 1738 г. по указу Кабинета были приняты решения о сборе в башкирских жилищах ясака их старшинами. Вместе с тем в соответствии с советами Татищева Кабинетом был принят ряд мер, суть которых заключалась в налаживании отношений с башкирами. Было определено дать им подводы наравне с мещеряками, чувашами и черемисой; помиловать предводителей восстания; отпустить штрафы и ясак тем башкирам, которые пока не были в состоянии их выплатить со взятием с них в том поруки².

Очевидно, предпринятые меры оказали положительное воздействие на ситуацию с башкирами. В июне 1738 г. в Кабинет поступило сообщение от Татищева о том, что башкиры перестают бунтовать³. Однако о полном прекращении восстаний говорить все равно было нельзя – время от времени они продолжали то возобновляться, то затихать вплоть до 1740 г.

Башкирские восстания наложили свой отпечаток и на экономическую ситуацию в юго-восточном крае. Заметно, что правительство готово было пойти навстречу местному населению, пострадавшему от набегов. Так, 12 мая 1737 г. Кабинет одобрил доклад Сената о невзыскании доимок с жителей Бахмутской и Уфимской провинций, разоренных башкирами⁴. В июле того же года министры утвердили резолюцию на сообщение Сената о разрешении оренбургским соляным промышленникам беспошлинно торговать разными товарами во уважение понесенных ими убытков от башкир⁵.

Между тем на юго-востоке нависла серьезная угроза со стороны казахов. Положение усугубилось тем, что хан Младшего жуза Албухаир предложил российскому правительству свою помощь в подавлении башкирских волнений. Но получив разрешения властей на вступление со своим войском в Башкирию, хан стал грабить ее земли, не разделяя мирных жителей от бунтовщиков. Эти действия не остались без внимания Татищева, попросившего разрешения

¹ Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. С. 537-539.

² ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 33-35 об.

³ СИРИО. Т. 124. С. 64.

⁴ ПСЗ. Т. 10. № 7251. С. 145-146.

⁵ Там же. № 7318. С. 210-214.

удаления хана из Башкирии¹. Ситуацию осложнял и тот факт, что часть орды Албухаира грабила не только башкир, но и волжских калмык, и русское население. Эти события вызвали ответную реакцию Кабинета, объявившего указ Татищеву 6 февраля 1738 г., где говорилось о том, чтобы перешедших Волгу казахов при их возвращении следует задержать, и те набеги прекратить².

В донесении в Кабинет от 9 мая Татищев признавал, что вся его работа по прекращению башкирских выступлений была напрасной, «так как башкиры начали новые нападения чинить». К тому же в это время хан Албухаир сговорился с башкирскими старшинами и стал открыто проявлять враждебное отношение к России³. В конце апреля 1738 г. вместе с башкирами хан и вовсе подошел к Оренбургу и заявил: «Город мой и для меня устроен, а кто не послушает, тому голову отрублю»⁴.

Эти известия вызвали сильное недовольство Кабинета, поскольку угроза нависла над Оренбургом, который нужно было сохранить во что бы то ни стало. Тогда в указе Кабинета от 22 июня 1738 г. Татищеву было велено немедленно отправляться к Оренбургу, чтобы решить вопрос с Албухаиром. Копия с этого указа была послана и Соймонову, который должен окончательно прекратить возмущения среди башкир⁵.

Так как действия казахов коснулись и калмыков, в стороне не мог остаться и калмыцкий хан Дондук-Омбо, решивший отомстить казахам «за учиненные обиды». В этих обстоятельствах Кабинет министров советовал Татищеву действовать максимально осторожно. Министры признавали, что в условиях продолжающейся русско-турецкой войны ссоры между калмыками и казахами были совсем невыгодны. Примечательно, что в мае 1738 г. Кабинет рекомендовал Татищеву уговорить Дондук-Омбо отказаться от посылки калмыцких войск против казахов «якобы от себя, а не по указу»⁶.

Впоследствии, когда Албухаир уже стал представлять угрозу для Оренбурга, мнение Кабинета изменилось. В июне 1738 г. в ука-

¹ Добросмыслов А.И. Тургайское управление. Исторический очерк. Т. 1. Тверь, 1902. С. 23-24.

² ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-1об.

³ Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

⁴ Добросмыслов А.И. Тургайское управление... С. 25.

⁵ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 50-51 об.

⁶ Там же. Л. 46-46 об.

зе говорилось, что, если хан Албухаир действительно был неверен и соединился с башкирами, нужно было помочь калмыцкому хану. Но если же казахский хан остался в верности российскому правительству, обе стороны следовало оставить в покое и в их дела не вмешиваться. В заключение министры признавали, что надеются на «верность и искусство Татищева», поскольку «отсюда за недовольным известием точного наставления дать невозможно»¹.

Татищев поспешно отправился в поход и приехал в Оренбург 15 июля 1738 г., куда спустя две недели прибыл и Албухаир. В результате сложных длительных переговоров, в которых Татищев принимал первостепенное участие, присяга Албухаира была подтверждена повторно, хотя хан долго не соглашался подписываться «рабом» русской императрицы².

Когда проблема с казахским ханом уже благополучно разрешилась, Кабинетом было решено отпускать деньги Татищеву «без всякого замедления». Незадолго до этого Василий Никитич жаловался, что в финансовых средствах очень стеснен, поэтому он и к Оренбургу приехал не так быстро, как было нужно. Если же по его требованию выдачу денег не ускорить, Оренбургская комиссия может прекратить свое существование³.

Отсюда следует, что, несмотря на недавний выговор, министры по-прежнему готовы были осуществлять Василию Никитичу материальную поддержку. Более того, они продолжали доверять ему и в непростых вопросах.

К примеру, весьма неоднозначная ситуация на юго-востоке сложилась в связи с противостоянием между калмыцким ханом Дондук-Омбой и его сыном Галдан-Норбой осенью 1738 г. Главная опасность для России состояла в том, что Галдан-Норбо, чтобы забрать престол у отца, мог заручиться протекцией Крымского хана, а в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны подобный союз был совсем нежелателен⁴.

Кабинет-министры признавали, что «калмыцкое междоусобие» могло бы навредить интересам Российского государства. Чтобы погасить конфликт, Татищеву было приказано отправить Астраханский гарнизонный драгунский полк на Царицынскую линию⁵.

¹ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 51 об.

² Добросмыслов А.И. Тугайское управление.... Т.1. С. 27.

³ СИРИО. Т. 124. С. 88.

⁴ ОГАОО. Ф. 2. Д. 3. Л. 69-70.

⁵ Там же. Л. 60-63 об.

Таким образом, по действиям правительства на юго-востоке заметно, что его цель заключалась в недопущении военных конфликтов между степными народами, а также в нейтрализации различных попыток их объединения в военные союзы. Проводником этой политики как раз и выступал В.Н. Татищев как начальник Оренбургской экспедиции (комиссии)¹.

В первых числах января 1739 г. Татищев получил дозволение прибыть в столицу на первый взгляд для того, чтобы отчитаться о своей деятельности в юго-восточном крае². Но как оказалось, энергичной деятельности Татищева все же пришел конец. Буквально вслед за ним в Санкт-Петербург отправился Тевкелев с доносом, а затем полетели доносы из Башкирии. Татищева обвиняли во взятках, присвоении жалованья, определенного киргизскому хану и старшинам и т. д.³

В январе 1739 г. Сенату был направлен именной указ, контр-ассигнованный кабинет-министрами о начале расследования о работе Татищева в связи с жалобами на него и полковника Орлова от капитана Петра Калачева⁴. А уже 27 мая 1739 г. по приказу министров была создана комиссия для расследования «разных доношений и дел, касающихся до т. сов. Татищева». Основной состав комиссии по делу Татищева исходил из Кабинета, от Сената же требовалось определить еще двух членов из различных коллегий⁵.

Хотя официально Василий Никитич был арестован в связи с жалобой Тевкелева, вероятно, в этом сложном деле не обошлось без интриг Бирона. Весьма трудно поверить в то, что Тевкелев мог самостоятельно выступить против такой видной фигуры, как Татищев, до этого располагавшей почти полной поддержкой Кабинета – А.И. Остермана, А.М. Черкасского и, скорее всего, А.П. Волынского¹. Вряд ли министров не устраивало качество работы

¹ Джунджужов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник РУДН. Сер.: ИСТОРИЯ РОССИИ. 2019. № 3. С. 508.

² Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750 гг.). Оренбург, 1896. С. 41-42.

³ Носкова О.Л. В.Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 5. С. 290.

⁴ СИРИО. Т. 126. С. 24.

⁵ Там же. С. 510-511.

¹ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика... С. 585.

Татищева, наоборот, они ценили его опыт, а также неоспоримые таланты и потому нередко полагались на его мнение в трудных вопросах.

Как бы там ни было, новым руководителем Оренбургской комиссии указом Кабинета от 17 июня 1739 г. был назначен советник Адмиралтейской коллегии В.А. Урусов, одновременно произведенный в генерал-поручики¹.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. В 1737-1739 гг. роль Кабинета на юго-восточном направлении приобрела более весомый характер. Механизм работы «Кабинет-Сенат» окончательно сложился в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных властей. Подавляющее большинство документов по назначению руководящих лиц, финансовой поддержке, о ходе подавления башкирских восстаний исходило именно из Кабинета.

Башкирское восстание 1735-1736 гг. не могло пройти бесследно для юго-восточного региона. Правительство понимало, что за годы борьбы с башкирами местное население, в том числе и русское, истощено экономически, а потому нуждается в особом подходе. Нельзя было забывать и то, что регион являлся многонациональным, а потому возможные противоречия со степными народами могли быть постоянным источником беспокойства для властей Российской империи.

1737 г. – начало 1739 г. связаны с личностью В.Н. Татищева в качестве руководителя Оренбургской экспедиции (комиссии). Оказавшись на такой непростой должности, Татищев со свойственной ему энергичностью стремился объять многое: пытался урегулировать отчетность, находившуюся в запустении при Кирилове, собирался перенести Оренбург на другое место, предпринимал меры по подавлению башкирских восстаний. Удаленность юго-восточной окраины от центра в ряде случаев способствовала тому, что Василий Никитич был вынужден действовать самостоятельно. Не исключено, что подобная инициатива могла быть выгодна министрам, поскольку снимала ответственность с центральных властей за принятие сложных решений. По резолюциям кабинет-министров на рапорты Татищева заметно, что они прислушивались к его мнению и готовы были поддержать его материально. Однако в конце концов в 1739 г. из-за придворных интриг Василий Никитич все же оказался под следствием, а его дело было продолжено В.А. Урусовым.

¹ СИРИО. Т. 126. С. 564-565.